

ГАСТРОЛИ МАРИНЫ СЕМЕНОВОЙ

346
„ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО“

Это был необычный спектакль. Обаяние музыкального гения Чайковского, поэтичность сюжета с такой силой воплотились в танце, что зритель ощущал волнение и подъем, какие может вызвать только очень большое искусство.

Так стар и знаком, казалось бы, сюжет, так известна и «обжита» каждым музыка балета и так много исполнительских штампов наслонилось вокруг Одетты и Одиллии, что зритель мог бы ожидать встречи с традиционными персонажами и приемами классического балета, чуть тронутыми вкусом балерины и режиссера.

Да, та же музыка, впитавшая в себя романтику Вебера и Шумана, да, тот же сюжет, за которым кроется взрывающая сила гофманской фантастики, то же озеро лебедей, та же тема протеста против филлистерского «благополучия», тема порыва к освобождению и та же условность классического танца. Не претерпел — и это к счастью — никаких крупных «реконструкций» и режиссерский план спектакля. И все-таки этой встречи зрителя со старыми обжитыми образами не произошло. Не произошло потому, что на сцене действовало не только волшебство злого гения барона фон Ротбарта, но и во всей силе «волшебство» искусства, расколдовавшее балет, освободившее его от всяческих шаблонов и создавшее новое ощущение всего балета. Это ощущение приходит со второй картины и не покидает нас до конца.

Выплывают лебеди, появляется Одетта — королева лебедей и вот начинается «волшебство». Мы как будто перестаем слышать оркестр, Одетта—Семенова как-то впитывает музыку в свой танец. Музыка перешла в танец, и в ритме танца, в мимике, в жесте мы видим и слышим эту трагедию о заколдованных лебедях, скованности, бессильном пока порыве к освобождению и теме любви. Ощущение ясности и простоты не покидает нас во все время танца Семеновой. С такой искренностью танцевали, может быть, на заре возникновения танца, передавая простые, непосредственные чувства. Но здесь танец обогащен всей его многовековой культурой, и потому эта простота, как Горный воздух, находится на больших вершинах искусства.

Бал в замке. Среди гостей появляется Одиллия—Семенова. Та же тема освобождения и разгорающейся любви. Мы ни на минуту не забываем о королеве лебедей. Но Одиллия — дочь барона фон Ротбарта, и вот возникает в танце очаровательное кокетство и немного высокомерия. Сложный, но какой опять-таки простой рисунок. И в позе, заключающей танец, перед владетельной принцессой, столько вызова, уверенности, очарования, что мы чувствуем, как вольный воздух озера врывается в замок.

Когда в последней картине королева лебедей, под чарами злого гения, в страхе ждет гибели, мы знаем, что это не надолго. Нас не покидает чувство нарастающей радости, мы помним, что это только пауза для нового взлета. И нужно видеть, с каким торжествующим жестом подходит Одиллия — Семенова к пораженному молнией злому гению, как создается этот героический финал. Простая и для искусства очень старая тема — от тьмы к свету, от горя к радости, от пелл к освобождению. Но то, что создает в роли Одиллии Семенова, нам напоминает бетховенское развитие этих тем. Та же высокая простота, тот же героический пафос, постоянно напоминающий нам, что мы находимся в стране радостного жизнеутверждающего искусства. И это пронизывает новым качеством весь балет, это создает новое его ощущение. Чем достигается это? Думается, что, прежде всего, огромной жизнерадостностью, так свойственной нашему советскому искусству, изумительной музыкальностью танца.

Прекрасно танцевал партнер Семеновой солист Большого театра Союза ССР Голубин, ярко и интересно были испанские танцы в третьем акте Капустиной и Борисова.

Нужно отметить, что балетный коллектив и дирижер Свердловского театра Шморганер сделали все, чтобы создать ансамбль, концертное сопровождение Семеновой.

Гастроли Семеновой, так восторженно встреченной нашими зрителями, — большое и радостное событие в художественной жизни Ростова.

С. АКСЮК.